

КОНСТАНТИН ЧЕРЕМНЫХ

БИЛЬДЕРБЕРГИ: ПЕРЕЗАГРУЗКА

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ
НА «ВЕЛИКОЙ
ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ»

Константин Анатольевич Черемных
Бильдерберги: перезагрузка.
Новые правила игры на
«великой шахматной доске»
Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66668988

*Бильдерберги: перезагрузка. Новые правила игры на «великой шахматной доске» / К.А. Черемных: Родина; Москва; 2021
ISBN 978-5-00180-188-7*

Аннотация

Константин Черемных – российский политолог, один из ведущих аналитиков-конспирологов. Его книги, целиком построенные на западных источниках, показывают, кто и как управляет мировыми процессами.

В своей новой книге он рассказывает о новой эре в международной политике, которая началась пару лет назад. Тогда небезызвестные «бильдерберги», члены Бильдербергского клуба, выработали новые правила игры на «великой шахматной доске», как называл международную политику З. Бжезинский. Последовательно и упорно они стали осуществлять эти принципы

в США (чем объясняется, в частности, поражение Трампа на выборах) и Европе, на Ближнем Востоке и других регионах мира.

Автор показывает основные вехи этой борьбы за последние два года, приводя колоссальный объем документального материала.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Бильдерберги и Сорос	6
«Московское золото». Английский доклад	6
Бильдербергская встреча	13
План Джорджа Сороса	25
Лондонское фиаско Сороса	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Константин Черемных
Бильдерберги:
перезагрузка. Новые
правила игры на «великой
шахматной доске»**

© Черемных К.А., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Бильдерберги и Сорос

«Московское золото». Английский доклад

Спецдоклад Комитета по международным отношениям Палаты общин под заголовком «Московское золото: российская коррупция в Великобритании» интерпретировался в российских СМИ как повторный недружественный акт со стороны Даунинг-стрит и британских спецслужб вместе взятых, благо в докладе в качестве экспертов фигурировали эмигранты Гарри Каспаров и Владимир Ашурков и «общественный осведомитель» Роман Борисович. Между тем в британском медиа-мэйнстриме мишенью была как раз премьер Тереза Мэй: ей прямо ставилась в упрек неспособность справиться с российским внедрением и с использованием Москвой «полезных идиотов» в Великобритании, несмотря на прежние доклады и предупреждения, вытекающие из разоблачений Panama Papers и Paradise Papers.

Том Тугендхэт, председатель профильного сенатского комитета, действительно воспользовался не только данными из двух разоблачительных папок, как и материалами Уильяма Браудера; ранее он был в числе энтузиастов британского ва-

рианта «закона Магнитского», принятого с подачи обиженного гринмэйлера Браудера американским Конгрессом. Томас-Георг Джон Тугендхэт, сын члена Верховного суда по средствам массовой информации Майкла Тугендхэта и племянник пэра Англии, бывшего члена Европейской комиссии Кристофера Сэмюела Тугендхэта, делал карьеру в партии тори, как и его влиятельные родственники, и был избран в 2015 году от традиционно консервативного округа Тонбридж и Мэллинг в графстве Кент. Его предшествующая карьера была связана больше со спецслужбами, чем с партийной деятельностью: окончив магистратуру по исламоведению в Кембридже и пройдя дополнительные курсы арабского языка на службе в Территориальной армии, Тугендхэт служил в разведывательном корпусе (Intelligence Corps) британских вооруженных сил в Ираке, а затем в Афганистане, после чего работал в аппарате начальника Штаба обороны (Defense Staff), которым тогда руководил генерал Дэвид Ричардс, командовавший ISAF в 2005–2006 и считавший, что британские силы должны остаться в Афганистане по меньшей мере на 40 лет.

В своей должности главы комитета, полученной вопреки молодости и отсутствию парламентского опыта, Тугендхэт поначалу был сосредоточен на исламской угрозе, в особенности иранской, что соответствовало его членству с ассоциации (аналоге кокуса в американском Конгрессе) «Консервативные друзья Израиля». Однако референдум 2016 года, ко-

гда он был решительным сторонником Remain (сохранения членства в ЕС), и американская президентская кампания, в ходе которой он неоднократно выступал с нападками на Трампа, сблизили его с кругом американских трансатлантистов-антитрампистов в военно-разведывательном истэблিশменте, базирующихся в Гуверовском институте Стэнфорда. Нельзя сказать, что Тугендхэт всецело отвергал внешнюю политику Белого Дома: так, в феврале 2018 года он высоко оценил программу Vision 2030 принца Мохаммеда бин Салмана, и ему была явно близка идея саудовского главенства в суннитском мире в противовес Ирану. Однако ротация в Госдепе и СНБ, ознаменованная поворотом в сторону Турции, актуализировали его негативизм как к Трампу, так и к его партнерам в кругу Бориса Джонсона.

Привлечение экспертов Атлантического совета к подготовке российского доклада отражала не только совместную работу Тугендхэта с командой Янгера, но и позиционирование исполнительного директора АС Дэймона Уилсона. Доклад готовился в то же время, когда АС выступил в качестве информационного спонсора официального визита Эмманюэля Макрона в США. Том Тугендхэт имел семейные основания для лояльности к Франции. Он не только имел двойное гражданство Британии и Франции ввиду того, что его мать Блондин де Луан была француженкой, но также был женат на француженке, и согласно декларации о потенциальном конфликте интересов, был владельцем лесных и сельскохозяй-

ственных земель во Франции. Согласие Тугендхэта подготовить доклад о российском влиянии в Британии также имело семейные корни. Если его предки по отцовской линии, евреи из Силезии, эмигрировали в Англию после Первой мировой войны, когда рухнула империя Габсбургов (окончательно – после пакта большевиков с Германией), то семья супруги была задействована на российском фронте: отец жены, профессиональный дипломат, работал в миссии ОБСЕ по Украине.

Месседж доклада был очевидно адресован в равной степени России и американскому внешнеполитическому институциональному аппарату, который в процессе еще не завершённой ротации должен был определиться в своей стратегии в отношении Москвы; в свою очередь, связи российской деловой элиты, пристально рассмотренные в докладе, были предметом интереса команды Роберта Мюллера, стремившейся оправдать именно российской угрозой свой партийный интерес и по той же причине камуфлировавшей свои клановые связи с командой Джона Керри. Акцент на России и особенно на российском олигархическом влиянии камуфлировал и ту чувствительную для Тугендхэта геополитическую тему, с которой прямо связывалась дипломатия Макрона в Вашингтоне – а именно судьба иранской ядерной сделки.

Второй трансатлантический смысл визита Макрона иллюстрировался и активностью собственно парижской партийной агентуры. Движение Third Way, состоящие из бывших

республиканцев, покинувших партию в знак протеста против политики Трампа и собравшее первую конференцию которого летом 2017 года в Филадельфии с участием гостей из партии En Marche! в канун визита Макрона обнародовало статью-манифест, прославляющую новую эру цифровой экономики. В свою очередь, Ришар Аттиас, сефард из Марокко, сопредседатель Глобального Позитивного форума (совместно с Жаком Аттали), председатель Publicis Events Worldwide (дочерняя структура Publicis, конкурента WPP Мартина Сорреля), соучредитель Глобальной инициативы Клинтон и бывший исполнительный продюсер Давосского форума (1995–2008), обнародовал в канун ПМЭФ собственный манифест, прославляющий альтернативную энергетику с отдельными назидательным месседжем для администрации Трампа и России (при этом подчеркивалось отставание России от Китая). Пресловутые российские олигархи, на которых был сосредоточен доклад Тугендхэта, нажили свои состояния в «устаревших», то есть сырьевых экономических отраслях.

Российский доклад Тугендхэта закономерно избегал основных вопросов мирового идеологического спора, что также камуфлировало мотивы разоблачительного журналистского подкласса, непосредственно мобилизованного фондами, диктующими прогрессистскую повестку дня. Напомним, что как Panama Papers, так и Paradise Papers были продуктами творчества Международного комитета жур-

налистов-расследователей (ICIJ) – не самостоятельного юридического лица, а составной части Центра общественной порядочности (Center for Public Integrity), спонсируемого Open Society Foundations и Sandler Foundation семьи Сандлеров, доноров кампании Клинтон 2016 года. Напомним, что хотя ряд фамилий российских бизнесменов и чиновников фигурировали в Paradise Papers, самыми резонансными мишенями этого досье были ведущие доноры команды Джонсона в Великобритании и команды Трампа в США (а именно семьи Мерсер и Адельсон), и одновременно – один из фондов, управлявший состояниями британской королевской семьи через багамские оффшорные компании.

Уже сам факт привлечения к составлению и освещению российского доклада постоянного автора Guardian Люка Хардинга был показателен: Хардинг был автором не только одной из самых раскрученных книг о «режиме Путина, но и участником обоих вышеназванных разоблачений, а также «кипрской папки», а также «папки БВО», где также фигурировали члены семьи Ротшильд.

По всем аспектам импликаций доклада Тугендхэта – от его влияния на репутацию главы правительства до отпугивающего эффекта для российских инвесторов с чистым убытком для британской казны – этот доклад вполне соответствовал определению «спирали саморазрушения», которое применил в своем очерке американский уездный полисмен и армейский ветеран Уилл Барденверпер. Помимо противопо-

ставления России англосаксонскому миру, ставившего «надолбы» (roadblocks), по выражению Трампа, на пути ценностного консенсуса на глобальной арене, доклад «лил воду на мельницу» того сообщества, волю которого от лица чикагского клана исполнял в 2015 году политтехнолог Дэвид Аксельрод, обслуживавший лейбористскую команду Эда Миллибэнда и с равным усердием поносивший как банк HSBC, так и проект реконструкции Hinkley Point – с таким же точно небрежением к воли королевы, либо с тщетным расчетом на ее обратную «перевербовку» в прогрессизм.

В свою очередь, Макрон, имевший возможность отказаться от игры в прогрессистские «ворота» и более того, объявить тот же проект Hinkley Point трехсторонним стратегическим императивом – что поддержавшие его промышленные концерны приняли бы с восторгом – сделал выбор в пользу идеологической сделки с наднациональной фондовой бюрократией, чтобы, поднявшись на виртуальные ступени, с высоты концепта «планета прежде всего» читать нотации американскому президенту под заведомо одобрительный хор медиа-мэйнстрима по обе стороны Атлантики.

Бильдербергская встреча

7-10 июня 2018 года состоялась очередная встреча членов Бильдербергского клуба. Основная тема встречи – «Популизм в Европе» – была утверждена в начале года, когда появились первые сообщения о приглашенных лицах. Премьер Сербии Анна Брнабич не сдержалась тогда и похвасталась честью быть приглашенной на встречу в Турине за почти пять месяцев до ее открытия. Основания для хвастовства были – Брнабич была единственным приглашенным чиновником из стран Восточной Европы. Другим новым и заранее приглашенным лицом был государственный секретарь Ватикана кардинал Пьетро Паролин, имеющий репутацию «соглашателя» с прогрессистами. Как отмечали консервативные итальянские сайты, Паролин пропагандировал послесинодальное апостольское обращение Франциска Amoris Laetitia (март 2016) как «парадигмальный сдвиг» в католическом вероучении, а также «имел отношение к заключению контракта с про-гомосексуальной юридической фирме, иск которой привел к закрытию консервативного католического портала, критиковавшего Папу» (и помимо этого, был ключевой фигурой в соглашении Ватикана с Китаем в противовес возражениям консервативной фракции, резко выступавшей против признания Ватиканом «контролируемых КПК» католиков).

На фоне приглашения Паролина бросалось в глаза малочисленность итальянской делегации, в нарушение традиции клуба – так, на предшествующих встречах в Великобритании (2014), Германии (2015) и США (2017) численность участников от принимающей страны составляло около 20 % участников, в то время как на встрече этого года итальянцев было всего восемь, включая двух профессоров, давно работающих за рубежом, и Джона Элькана, наследника семьи Аньелли, постоянного участника клуба с двойным гражданством. Единственной статусной фигурой был заместитель управляющего ЦБ Италии Сальваторе Росси. Случилось так, что состав делегации принимающей стороны определился после итальянских выборов, в итоге коих Италия стала объектом первой темы обсуждения, которая – опять же в противоположность традиции клуба – была идеологической и региональной одновременно.

С скромным участием принимающей стороны контрастировало весомость Северной Европы («валленберговская квота»), и особенно французской делегации, в которой бросались в глаза фигуры Патрисии Барбизе, нынешнего президента клуба Le Siecle («Век»), ключевого французского парapolитического центра, где фактически производится отсев президентских номинантов (например, выбор между Франсуа Олландом и Мартин Обри перед выборами 2012 года). Барбизе представлена как глава юридической компании Temaris & Associés (ранее Artemis). Она также входит в

совет директоров Total, гендиректор которой Патрик Пуянне был также приглашен, став лишь одним из двух представителей нефтегазовой элиты наряду с Брайаном Джилвари, второстепенной фигурой из британской BP). Помимо Барбизе и Азуле, команда Макрона была представлена директором внешней разведки (DGSE), официально значившимся как гендиректор Министерства обороны. Напомним, Эмье, в прошлом дипломат, был инициатором интриги в Южном Йемене, через спецслужбы Египта сталкивая движение «Южный Хирак», поддерживаемое ОАЭ, с просаудовским президентом Мансуром аль-Хади. Если действующий глава Руководящего комитета Бильдерберга Анри де Кастри, председатель Института Монтеня, в канун выборов делал ставку на Франсуа Фийона, то Клод Беbear, директор того же Института Монтеня, был одним из главных лоббистов Макрона в клубе Le Sicle. Французская делегация дополнялась номинально «международной» директрисой ЮНЕСКО Одри Азуле, номинанткой команды Макрона, и четырьмя франко-канадцами из Квебека, включая министра торговли Канады Франсуа-Филиппа Шампаня. Для этого были свои поводы – как роль квебекуанцев в избрании премьера Жэстена Трюдо, так и совпадение встречи с саммитом G7 в Квебеке.

По контрасту, британская делегация была не только низкостатусной (второстепенные бизнес-менеджеры и отсутствие британских Ротшильдов, кроме Маркуса Агиуса), но и политически двусмысленной: Джордж Осборн, ключевая

фигура команды Кэмерона, сочетался с Эмбер Радд – бывшим секретарем внутренних дел, скандально уволенной после того, как утечка в Guardian о проекте ее офиса о пересмотре гражданства иммигрантов с Карибских островов послевоенного периода («поколение Windrush» по названию корабля Empire Windrush) подпортило королеве Саммит Содружества.

Чью сторону приняли организаторы встречи, следовало из состава американской делегации. Здесь наблюдалось чрезвычайно необычное представительство непостоянных участников. Так, в их составе оказался губернатор Колорадо Джон Хиккенлупер, демократ, подчеркнувший прогрессистскую приверженность последними инициативам нарколиберализации. Присутствие Хиккенлупера (единственного из приглашенных губернаторов) было специфично ввиду его планов на 2020 год. Еще осенью 2018 года Хиккенлупер вместе с губернатором Огайо республиканцем Джоном Кейсиком огласили проект общего бюллетеня: это был проект третьей партии, который пропагандировало движение Third Way, непосредственно «окучиваемое» Макроном; Third Way вновь обозначилось на сцене в начале мая в канун выхода Трампа из JCPOA. Колорадско-висконсинский (денверский) клан пересекается с командой Байдена-Керри через экс-главного юриста президентской кампании Джона Керри Нормана Браунстайна. К Джону Керри были близки еще двое приглашенных – Джаред Коэн, гендиректор ком-

пании Jigsaw, и старший сотрудник Carnegie Endowment Карим Саджадпур.

Jigsaw – новое название Google Ideas, структуры, специально созданной Эриком Шмидтом под Коэна в 2010, когда тот был вынужден покинуть Госдеп на фоне скандального уголовного дела в отношении Хасана Немази, общего спонсора сенатских кампаний Джона Керри и Джо Байдена. В начале мая Jigsaw предлагала свои услуги европейским мейнстримным партиям, готовившимся к противоборству пресловутому популизму. Самореклама Jigsaw совпала по времени с учреждением в Копенгагене «Трансатлантической комиссии по честности выборов», Джо Байдена, Майка Чертоффа и Андерса Фога Расмуссена. Джаред Коэн впервые стал известен широкой общественности в 2007 году, в тот период будучи рядовым сотрудником Офиса политического планирования Госдепа (Policy Planning Staff) после пресс-конференции, где его инициативы в социальных сетях представил и отрекламирован новоиспеченный помощник госсекретаря по публичной дипломатии Джеймс Глассман. Речь шла тогда об Alliance of Youth Movements (AYM), учрежденной группой молодых сетевых менеджеров во главе с Коэном и получившей «посевные» гранты от Rockefeller Foundation, а затем от Omidyar Network Пьера Омидьяра. AYM к этому времени уже зарекомендовало себя как организатор молодежных протестных движений с применением сетевых технологий 2.0, и политический смысл тогдашнего заявления

Глассмана как раз и состояло в том, что эти технологии берутся на вооружение в геополитических проектах, на тот момент – в арабо-и фарсиязычных обществах.

В 2008 году Коэн посетил Россию в рамках перезагрузочного тура IT-вундеркиндов, с выступлениями на семинарах в университетах от Москвы до Иркутска; лишь впоследствии было замечено, что он взаимодействовал с группой Брайана Этлинга, которая занималась скринингом рунета под эгидой программы «Интернет и общество» Беркмановского центра Гарварда; сам Этлинг, экс-глава представительства USAID в Афганистане, в январе 2011 года известил, что его команда освоила русский язык с той же целью (т. е. для подготовки аналога «арабской весны»), что затем публично подтвердила Хиллари Клинтон. В рекламном интервью Коэн был представлен как дерзкий еврейский юноша, пересекающий исламский мир и легко находящий там собеседников в молодежной среде; одну из границ юноша пересек в багажнике фургона.

Сейчас, когда Коэн выступал в новой «охранительной» ипостаси, его революционный период биографии предавался забвению: из статьи в Wikipedia исчезло упоминание о его роли в попытке «Зеленой революции» в Иране в 2009 году, когда он участвовала в идеологической подготовке команды Мусави на платформе, связывающей мирное предназначение ислама с «теорией устойчивого развития», а сам Мусави цитировал Махатму Ганди. Ключевым моментом той

кампании было убийство 24-летней тегеранской студентки Неды Агасолтан, присмотренной для роли знаковой» жертвы; Коэн призывал тогда главу Twitter Джеку Дорси транслировать всему миру живое свидетельство brutality режима Махмуда Ахмадинежада. Зато теперь в Wikipedia указывалось, что Коэн после иранских приключений работал советником спецпредставителя США в Афганистане и Пакистане Ричарда Холбрука, члена совета директоров National Security Network (в 2004 обслуживавшей команду кандидата Керри на средства Хасана Немази). Старшим советником Холбрука был профессор Вали-Реза Наср, сын профессора-прогрессиста Хоссейна Насра и автор книги «Шитское возрождение», которая считалась одной из настольных книг сообщества «дерадикализации ислама». Вали-Реза Наср, несмотря на молодость, к тому времени был пожизненным членом CFR – очевидно, с учетом избрания в совет директоров Rockefeller Brothers Fund.

Карим Саджадпур, выпускник Школы передовых международных исследований (SAIS) Johns Hopkins University, адъюнкт-профессор Школы иностранной службы Джорджтауна, также пересекал множество границ, жил в Иране и Латинской Америке, и имел репутацию яркого публициста; в отличие от Коэна, издал только одну книгу «Аятолла Маккиавелли: Как Али Хаменеи стал самым могущественным лидером на Ближнем Востоке». Ближневосточная программа Carnegie сообщает, что он пишет об Иране и Ближнем Во-

стоке «через призму нейронауки, кино, сатиры и сексуальности», входит в совет директоров профеминистского Vanu Foundation, и даже Трампа оценивает под гендерным углом: «Если у Трампа есть стратегия, то это «стратегия развода», построенная на его собственной биографии».

В Slate и The Atlantic Саджадпур обвинял Трампа в усилении Ирана, цитируя Наполеона: «Если враг делает ошибки, не нужно ему мешать» (речь шла о том, что режим уже начал разваливаться «сам собой», в то время как выход из JCPOA усиливает клерикалов и консерваторов, предоставляя Ирану возможность «создавать трещины между Европой и Америкой, а также между Китаем и США. Другое крылатое выражение Саджадпура гласит, что «если у Трампа и Ирана есть что-то общее, оно состоит в неспособности устыдиться» (из статьи о режиме Асада). В тексте для Гуверовского института он писал (вместе с Эмилем Хокайемом из IISS) он призывал заставить (compel) Россию сдать Асада, «повысив цену» российских действий в Сирии за счет подпитки курдов. До 2015 года он числился главным экспертом по Ирану в International Crisis Group, а уже после бильдербергской встречи Саджадпур вывесил на своей странице ссылку на восторженную статью об Эмманюэле Макроне, написанную африканским автором по итогам визита Макрона в Нигерию.

Конкурирующий клан Мадлен Олбрайт и Уильяма Коэна, который представлял в Афганистане преемник Холбрука Марк Гроссман. был представлен на встрече старшим

сотрудником Центра за новую американскую безопасность (CNAS) Майклом Горовицем, а также косвенно вице-премьером Турции Мехметом Шимшеком. Дэвид Петреус, ставший постоянным участником встреч после того, как Генри Крэвис учредил для него институт при своей компании (2013), привел с собой Надю Шадлоу— очевидно, как специалиста по России. Экспертная роль самого Петреуса на встрече касалась как Ближнего Востока, так и Афганистана. Для ближневосточной темы были актуальны его связи в Израиле, где вновь (уже после встречи) распространились слухи об альянсе между его непосредственным деловым партнером Габи Ашкенази и Яиром Лапидом.

К саммиту НАТО имело отношение присутствие министра обороны Германии Урсулы фон дер Ляйен, накануне посетивший Афганистан и имевшей опыт споров с Турцией вокруг базы Инджирлик. Помимо фон дер Ляйен и члена руководящего комитета Бильдербергского клуба Пауля Ахляйтнера, в «международном» качестве присутствовал Гюнтер Эттингер. Хотя его портфель комиссара по цифровой экономике был скромен, его прежний еврорасширительный опыт был востребован в вопросах, касающихся Каспия и наземного транзита в Афганистан. После выборов в Италии, где вошла в правительство) партия «Пять звезд», систематически саботировавшая строительство трубопровода ТАР, в контексте первой темы («популистской угрозы»), он был полезным источником информации из ЕНП в том числе для

французских участников.

Хотя еще одной темой были промежуточные выборы в США, организаторы воздержались от приглашения социологов; относительно ангажированной фигурой была Энн Эпплбаум вместе со своим супругом Радославом Сикорским, однако для обоих основная компетенция был связан с первой темой: по существу, Сикорский, потерявший карьеру в Польше с возвращением PiS, был среди участников единственной прямой жертвой популизма в Европе.

Сочетание прогрессистского губернатора Колорадо с французскими «тузами» из команды Макрона имело еще одно измерение. Именно в Колорадо находится центральный офис Aspen Institute, в французском филиале которого проходил стажировку Эмманюэль Макрон и члены его команды. В программу конференции лондонского филиала Aspen Institute 2016 года входило тематическое заседание по Ирану, где одним из двух ключевых спикеров был бывший посол Великобритании в США Питер Вестмакотт, муж сестры Хасана Немази; его речь была посвящена в основном JCPOA, в контексте которой он специально подчеркивал корпоративную заинтересованность Boeing. Единственным лицом из внутреннего круга Трампа, был Питер Тиль, который входит в состав руководящего комитета и успел ввести в него Алекса Карпа. По иронии, членство Тили в комитете также было итогом «арабской весны» Обамы, ибо был одним из первых инвесторов Facebook, за что почитался. Из действующе-

го состава СНБ присутствовал Мэтью Терпин, подполковник Армии США в отставке, ныне директор СНБ по Китаю (который в тематике не значился).

Преобладание критиков Трампа на мероприятии бросалась в глаза мейнстримным комментаторам: хотя Россия (на этот раз – одним словом, без уточнений) была включена в список тем, еще одна программная тема – «Время постправды», интерпретировалась не как «время российского вторжения», а как «время трамповской лжи» в контексте саммита G7. В целом Бильдерберг-2018 характеризовался по тематике отчетливым преобладанием геополитики над идеологией (в отличие от встречи 2016 года в Германии), а по составу – преобладанием информированных практиков над академическим теоретиками. Перечень тем подразумевал не только сквозной вопрос обсуждения – «что делать», но и ответ на вопрос – создать максимальные препятствия для команды Трампа. Еще одной особенностью подбора участников было исключение влиятельных представителей других параполитических структур, кроме французского Le Sicle: так, элиту CFR представляли только Роберт Рубин и Роджер Альтман; элита Трехсторонней комиссии отсутствовала – словно в качестве порицания ее итальянским боссам, провалившим в Италии не только кампанию Демпартии, но и шанс на протаскивание «технического правительства». Исключение трилатералистов было сообразно отсутствию тематики ЮВА – словно для акцентирования ничтожества пхеньян-

ской инициативы США, Ю.Кореи и Сингапура. Мало того, в американском и британском составе не было представителей Ditchley Foundation, занимающего особый удельный вес в Богемском клубе; наконец, отмеченный выше «анти-виндзорский» акцент сочетался с полным исключением монархических фигур. Такая трансформация традиционно полиморфного клуба в антитрамповский междусобойчик на фоне саммита G7 и в канун саммита НАТО определенно отражала острое элитное беспокойство.

План Джорджа Сороса

Джордж Сорос, после выборов в Венгрии вынужденный переместить свой Центрально-Европейский университет из Будапешта в Берлин с «пересадкой» в Вене (которая после местных выборов с образованием «право-правой» коалиции была также неудобным местом), на конференции ECFR за неделю до Бильдербергской встречи решил польстить Эмманюэлю Макрону, нахвалив исходный индустриалистский проект Европы – Европейское объединение угля и стали Жана Монне. Из остальной части текста вовсе не следовало, что Соросу открылось видение грозных терриконов и мартемовских печей. «Европе надо сделать нечто кардинальное, она должна начать новую жизнь. Именно этого добивается президент Макрон, предлагая свой проект под названием «Консультации граждан»... Похвалив макроновский «план Маршалла для Африки» как средство решения миграционной проблемы, Сорос педалировал «нестандартный план финансирования, который позволит Европейскому Союзу брать кредиты на рынке под выгодные проценты, без прямых обязательств для всего ЕС и его членов, наподобие тому, которое «использовалось в других ситуациях, в основном при выпуске муниципальных облигаций в США, а также при финансировании борьбы с инфекционными заболеваниями». Только вслед за тезисом о «разновекторной Европе

вместо разноскоростной» Сорос добрался до заветного мес-седжа: «ЕС должен трансформироваться в ассоциацию, в ко-торую захотят вступить страны, подобные Британии». Из че-го следовало, что запущенное Соросом (фактически руково-димое Марком Мэллоком-Брауном при участии Чуки Умун-ны) движение Best for Britain предназначено для ревизии не только Брексита, но и всего европейского проекта.

Ссылка на «сильную оппозицию» Ангеле Меркель в Германии подразумевала скандал вокруг «злоупотреблении процедурой рассмотрения заявлений мигрантов с просьбой о предоставлении убежища», или попросту торговлей стату-сом беженца, выявленной в конце апреля в Бремене. Накану-не перемещения офиса СЕУ в гостеприимный Берлин Сорос отслеживал развитие скандала: как раз в день его цитируе-мой брюссельской речи в Комитет бундестага по внутренней политике были вызваны экс-министр-президент Баварии, а ныне глава МВД Хорст Зеехофер и начальник Федерально-го ведомства по миграции и делам беженцев (BAMF) Ют-та Кордт. Поскольку BAMF входит в МВД, «шишки» обру-шились на министра, заведомо занимающего более жесткую позицию по миграции, чем сама Меркель; ответа от него по-требовали правые партии – СвДП и АдГ.

В то время как команда Трампа пыталась заставить Зеехо-фера противопоставить себя Меркель, сама канцлер подвер-галась одновременно критике за промедление с ответами на предложения со стороны Макрона (с изображением в виде

черепахи на карикатурах) и обвинениям в сговоре с Макроном против Зеэхофера, например, в Frankfurter Allgemeine: «Меркель уверяет, что хочет предотвратить раскол ЕС. При этом она своей политикой открытых дверей и спасения евро вбивает сразу несколько клиньев между странами-членами ЕС. Когда она решила открыть границы для более 1 млн мигрантов, прямыми последствиями стал Брексит, а в Германии – всплеск популярности АдГ... Поражают беспомощность и скандалы в ВАМФ... депутаты Эзиль и Гюндоган позировали с «уважаемым» президентом Эрдоганом во время его предвыборной кампании, хотя у них германские паспорта... Написанное в спешке Мезебергское заявление разоблачает Меркель: вопреки договоренностям с ХСС канцлер выполнила желание Макрона по поводу бюджета для еврозоны, почему он ее и поддерживает ее в миграционной политике... Поскольку по воле Макрона решение о евробюджете должны будут принимать лишь 19 государств, то грозит новый раскол с Польшей и Чехией и с Данией и Швецией... Внезапно возникают объявленный провальным налог на финансовые транзакции, цифровой налог или совместные налоги Франции и Германии... Остается надеяться на сопротивление северных стран, которые предусмотрительно заявляли, что Макрон и Меркель не могут принимать решения в одиночку... Меркель предлагает миллиарды для осуществления планов Макрона по еврозоне, чтобы Париж помог ей побороть Зеэхофера», – гневался аналитик FAZ. Уступки

Меркель Макрону бомбардировались справа и слева: «Разглагольствуя о европейских ценностях, президент Франции первым же их и игнорирует», фыркала в DW Барбара Везель, ссылаясь на планы создания центров для разделения мигрантов («платформ высадки») в Ливии.

Редакция WSJ по итогам саммита ЕС 28 июня сетовала: «Положение Меркель как ключевого лидера ЕС ослаблено Макроном, который позиционирует себя в качестве нового проевропейского выразителя идей и устроителя соглашений». На самом деле упомянутое Мезебергское соглашение от 18 июня, хотя и характеризовалось в Le Figaro как «победа Макрона», содержало только одну фразу об общем бюджете еврозоны, вступающем в силу через три года (с 2021) в размере десятков миллиардов евро, а не сотен миллиардов, как предполагалось планами Аттали, с оговоркой, что общий бюджет предназначен только для управления кризисными ситуациями. Пункт о миграции сводился к трем тезисам о работе мигрантов на родине, усилении контроля внешних границ и пересмотре системы предоставления убежища, то есть ни на какую дополнительную либерализацию Меркель не поддавалась, и Le Figaro констатировала, что Меркель и Макрон «не смогли существенно продвинуться по мигрантам».

На самом деле антитурецкие тезисы правых не могли ни укрепить безопасность Германии, ни укрепить ее геополитический статус. Тот факт, что часть депутатов турецкого про-

исхождения «обнимались с Эрдоганом», мог рассматриваться как Меркель, так и Урсулой фон Ляйен как геополитический плюс в аспектах как договоренностей по контролю миграции, так и взаимодействия в Афганистане после саммита НАТО – особенно учитывая импульс Вашингтона к консенсусу с Анкарой. Более того, согласие Вашингтона на передачу сирийского Манбиджа турецкой стороне с блокированием «курдского коридора», – были направлены именно в пик флирту Парижа с курдами.

Скандал с ВАМФ в Бремене был результатом не бдительности правой оппозиции, вдохновленной послем Гренеллом, а мероприятий разведывательного сообщества. 24 июня Jerusalem Post цитировала отчет БНД и Ведомства защиты конституции под заголовком «Общинный центр Аль-Мустафа поддерживает ливанскую «Хизбаллу» путем сбора пожертвований». Речь шла о расследовании бременского подразделения контрразведки, в рамках которой производилась проверка в местном ВАМФ. Германские спецведомства отреагировали на вашингтонский сигнал: после успешного утверждения Помпео и Хэспел они были готовы выполнять указания, даже если бы речь шла не о счетах «Хизбаллы», а о счетах Volkswagen в иранских банках.

Однако Елисейский дворец, со своими видами на мировое влияние вплоть до центральной роли в индо-тихоокеанской оси, рассчитывал использовать как потенциал прогрессистского медиа-мэйнстрима, так и противоречия между правы-

ми – и не только в Германии. Свой вывод о перехвате Парижем инициативы в миграционной проблематике WSJ сделала после того, как Макрон достиг согласия с новым итальянским правительством по пресловутым «платформам высадки» на ливийской территории, несмотря на разные политические ставки в Ливии. Макрон и его команда сыграли на давней предубежденности Рима к Берлину – и именно после этого Зеехофер, осознав, что в разговорах об германо-австро-итальянской оси его просто «разменяли», отказался от демонстративной отставки. Это был тот же Макрон, который на совместной пресс-конференции с Меркель 8 июня упрекал неназванную страну в эгоизме, имея в виду Италию, отказавшуюся принять судно с беженцами. Для коварного «обвода» Берлина у команды Макрона был совершенно конкретный лоббистский повод: в канун саммита G7 на съезде ЕНП глава фракции Манфред Вебер объявил о своих претензиях как «шпитценкандидата» на пост главы Еврокомиссии, на котором Макрон хотел бы видеть своего человека.

На британской сцене команда Макрона также воспользовалась конфликтом между консерваторами. В канун саммита G-7 Трамп неожиданно отменил двустороннюю встречу с Терезой Мэй, что анонимный сотрудник Белого Дома объяснил, что она «надоела со своими наставлениями школьной учительницы при том, что сама все время клянчит». Интерпретации этого пренебрежения в медиа-мэйнстриме, в том числе российском, блуждали между отказом Британии вый-

ти из JCPOA (хотя другие европейские частники саммита также не вышли) и делом Скрипаля, якобы раздражившим Трампа. На самом деле Тереза Мэй «надоедала своей учительской манерой» в конкретном дипломатическом раунде – с Биньямином Нетаниягу в ходе его визита в Лондон 6 июня. Парижские СМИ подробно перечислили тематику двусторонних переговоров Мэй с Жюстеном Трюдо, которые касались в том числе Сирии и Украины. После того, как Макрон не смог влезть в Сирию через Россию, к чему активно стремился, французский медиа-мэйнстрим характеризовал визит Макрона в Москву как «бессмысленный». В то же время Трюдо, зацепившись за Мэй, в интересах Макрона зондировал намерения Лондона.

Борис Джонсон, учредивший комитет, альтернативный Leave.eu и заведомо не причастный к делам Бэнкса, оправдывался в заявлении в канун саммита G7, эхом повторяя инициативу Мэй об антироссийской «группе быстрого реагирования». Однако Джонсон повел себя противоположно Мэй по израильскому вопросу. 19 июня он потребовал от Совета ООН по правам человека убрать из устава Параграф 7, посвященный исключительно «нарушениям прав человека на Западном берегу и в секторе Газы», так как существование данного параграфа только вредит попыткам достижения мира, и если параграф не будет отменен, Великобритания будет голосовать против любой резолюции, вынесенной на его основании. Этот эпатаж Джонсона Трамп не мог не

оценить – не столько из симпатии к Нетаниягу, сколько из желания поощрить смелость Джонсона перед общеевропейской позицией и особенно перед командой Керри, которой Джонсон уже насолил в январе 2017 года.

Уже на следующий день посол США в Лондоне Роберт «Вуди» Джонсон сообщил о планах Трампа встретиться с королевой Елизаветой II во время поездки в Великобританию 13 июля, сразу после саммита НАТО в Брюсселе, но не раньше. Этот месседж был адресован одновременно Лондону, Анкаре (где победил Эрдоган) и Берлину: в случае, если вопрос о распределении зон ответственности в Афганистане не будет решен в Брюсселе или там начнется неуместный торг, участники такого торга должны были знать, что свято место пусто не бывает. 24 июня Болтон посетил Лондон по пути в Москву и встретился с (младшим) министром национальной безопасности Марком Седвиллом накануне визита Джонсона в Кабул. После этого Тереза Мэй – очевидно, памятуя о предыдущем саммите, когда Брексит сорвал всякий разговор о британской территориальной зоне, так как премьера еще не было, – решила форсировать договоренности по Брекситу и вынесла на саммит ЕС свои предложения в адрес Барнье, которые были резко раскритикованы правым крылом тори. 5 июля Мэй прямо выговорила Джонсону за его «встревание» в переговоры и отдельно – за чрезмерный пиетет к Трампу...

Лондонское фиаско Сороса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.